

Нана Коко

6+

Ученъе – свет

(подобие притчи)

Нана Коко

Ученье – свет. Подобие притчи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56810471

SelfPub; 2020

Аннотация

История о Человеке и его Тени (или наоборот). Подобие притчи с множеством лирических авторских отступлений.

*И снова в окно проникает
свет уличного фонаря,
О том, что нас здесь двое,
знаю только я.*

В комнате нет ни окон, ни дверей, но есть облезлые серые стены. В комнате нет привычных вещей, но есть поминутно дрожащий свет хилой потолочной лампы. В комнате нет книг, ковров и даже мебели. В комнате есть Человек.

Он сидит на голом полу и впитывает глазами махровое ничего стены напротив (которая, впрочем, ничем не отличается от трёх других. Человек иногда между ними путается). Периодически ему кажется, что неровности на стене сплетаются в витиеватые узоры или, того хуже, в незнакомые сюжеты. Но Человека тут же обволакивает страх и узоры быстро растворяются. Неловкую паузу скоро поглощает привычное оцепенение, подстрекаемое перманентным бездействием. Стабильность – враг жизни. Врачи считают, что стабильно плохое состояние – это лучше, чем резко ухудшающееся. Но после внезапного падения можно оттолкнуться от дна и предпринять хоть какую-то попытку выжить. А стабильность растекается вокруг незаметно, но упорно, с каждой секундой обволакивая липким желанием ничего не менять, которое вскоре превращается в глубокую уверенность в своей правоте.

Человек сидит в киселе стабильности, постоянно наполнявшем комнату, всю свою жизнь. Он смутно помнил (или

не помнил вовсе), откуда он взялся и как он сюда попал. Он знал, что никогда не выходил из комнаты, но остатки интуиции подсказывали ему о существовании чего-то вне, хоть в это и было сложно поверить. Но как только Человек об этом задумывался, лампа начинала мигать сильнее прежнего. Хотя, вероятно, ему так просто казалось. В любом случае, думать человеку не нравилось и он быстро отказывался от этой затеи.

Глухое созидание человека порой нарушало что-то, чему он не особо верил (несмотря на то, что имел возможность наблюдать не единожды), но чему всё равно внимал, за неимением малейшей альтернативы. Тень. Она всегда появлялась из ниоткуда (по крайней мере, так казалось Человеку, потому что она всегда выходила из-за его спины). Тень рассказывала ему о других людях, которых Человеку было трудно представить, поскольку он имел очень смутное представление даже о своём собственном лице. Она рассказывала ему об иных, красивых комнатах с кучей разных причудливых вещей. Она раскалывала ему о воде и ветре, которые свободно перекатываются и сливаются в танце где-то очень далеко отсюда. Она рассказывала о звёздах и кострах. Он ей не верил. Всем, что Человек имел возможность наблюдать за всю свою жизнь, были только несуществующие узоры на бледной серой стене, что появлялись от длительного и упорного наблюдения за одной точкой. Но даже их он считал лживыми и опасными.

Человек не верил Тени, но, парадоксально, у него иногда возникало ощущение, будто он знает тех людей, о которых она вещает, ходил по вычурным залам и, сидя у костра, наблюдал за падающими звёздами. Это ощущение на миг захватывало его, кожа покрывалась сотнями мурашек, а взгляд перетекал из сосредоточенно-напряжённого в глубокий и умиротворённый. В такие моменты казалось, будто Человек смотрит не на стену, а словно сквозь неё. Но это продолжалось недолго. Человек стыдился своей секундной слабости, боялся её последствий (ему, однако, было трудно их вообразить), а то, что ещё мгновение назад обнимало чем-то заманчивым, теперь начинало покалывать зловещим.

Обычно, когда Человеку наконец удавалось оправиться от испуга, Тени уже не было. А он каждый раз предпочитал делать вид, что всё это ему приснилось. Хотя он каждый раз понимал, что это не так. Ему больше нравилось думать, что за бесцветными стенами его невольного пристанища нет ничего, кроме всепоглощающего чёрного вакуума. Эта мысль хоть и звучала как приговор, но, тем не менее, импонировала Человеку больше, чем признание факта существования чего-либо живого за пределами пустой коробки, которую он считал своим домом. Несомненно, иногда его пронизывала молния сомнения. Он, будто играя, на секунду предполагал, что за бетонной перепонкой кипит жизнь. И тогда получалось, что Человек – просто инертный узник, не имеющий права (да и особого желания) присоединиться к празднику

жизни, а Тень – не подозрительный необъяснимый феномен, а Истина? Может, стоило бы однажды попробовать разрушить стены? Но где я тогда буду жить?..

Бред, – думал Человек и пытался справиться с внезапно накатившей головной болью. Всегда приятней считать, что ты в центре вселенной. Пускай даже для этого его придётся перенести в каморку без окон и дверей.

Так проходили дни Человека. Лишь изредка кристальное постоянство пустоты нарушалось появлением Тени или (ещё реже) – собственными догадками Человека. Но он ловко справлялся с потрясениями и выпроваживал неожиданных посетителей прочь из своей головы. Если бы он мог что-то поменять, он не смог бы понять, что именно нуждается в изменениях. Его жизнь была настолько безрадостной, что в нём укоренилась мысль, будто так и должно быть, а радости не существует вовсе. Так его жизнь и разливалась медленно в пространстве, хотя со стороны она больше напоминала стоячую воду в давно позабытом самой природой водоёме.

Иногда, в минуту, когда Человека особенно утомляло ничегонеделание и, соответственно, и без того сведённая к минимуму сила воли давала внеочередной масштабный сбой, его воображение позволяло себе пофантазировать над рассказами Тени. Тогда невиданные ранее образы и места поддавались таким замысловатым метаморфозам, что, казалось, отделялись от повествования и уже сами становились тенями Тени, осколками, напрочь лишёнными изъянов. Человек

часто забывал, когда и как (а временами – и что именно) рассказывала Тень, в его сознании оставались лишь неясные блестящие нити, связывающие его окружение со смутным ощущением абсолютного идеала. Воображение отсекало любые шероховатости по песчинке, да так медитативно, что процесс был замечен только по финальным результатам. Так громадная угловатая глыба повествования Тени превращалась в гладко отшлифованную гальку памяти Человека – посекундный дневник того, чего никогда не было. Тени Тени были намного более зрелищными и принятыми, чем первоисточник. Крайне часто, заметьте, подобному явлению подвергаются «обычные» люди, живущие не в наглухо закупоренных бетонных коробках, а в более привычных многоэтажных инкубаторах жилищах с одним, двумя или даже (кому повезёт) тремя окнами и балконом. Такие люди помнят тень – другого человека, книги, песни – и, хотя совершенно позабыли, где и при каких обстоятельствах встретились и ознакомились с одним из вышперечисленного, умеют ловко на основании этой тени строить своё мнение. Оставляя в памяти лишь основные черты и стремительно исключая любую неровность, они к середине жизни имеют обширную базу данных, полностью стоящую из одинаковых пунктов, и повсеместно используют для описания любого понятия эпитеты «продуктивный», «перспективный» и «эффективный».

(Отсутствие смысловой наполненности жизни главного героя даёт автору возможность делать лирические отступле-

ния, когда только ему заблагорассудится, но, в надежде сохранить хоть каплю читательского интереса, он возвращается к повествованию).

Когда нет часов, течение времени можно определить лишь по внешним изменениям окружающей среды. Так как в комнате никогда ничего не менялось, неискушенный созерцатель мог прийти к выводу, что в данном пространстве время вообще отсутствовало. Можно было бы сказать, что всё шло своим чередом, но идти было нечему, а присваивать очерёдность ничему довольно глупо. Однако, следует отметить, что теперь Тень появлялась чаще, а каждый её визит незаметно, но верно становился немного дольше. Она подступала аккуратно, но настойчиво, как подступают со своими предметами учителя пятиклассников: вначале легко и помаленьку, превращая учебу в игру, чтобы не отбить у молодого поколения желание учиться, но всё более настойчиво начиная со второй четверти, чтобы в конце учебного года вывести в свет «готовых ко всему» людей. Тень уже не уходила, когда кожа Человека покрывалась сотнями мурашек, а взгляд становился умиротворённо-глубоким. Вместо этого она внимательно изучала Человека, чем вводила в продолжительный ступор и поначалу вызывала цунами злости. Тень будто хотела отучить его от привычки считать их встречи сном или ошибкой. И у неё это получилось.

Сначала Человек, конечно, сопротивлялся. Когда хозяева везут к ветеринару своих приболевших питомцев, те из-

влекают из себя самые жалостливые интонации, наивно, наверно, полагая, что держат путь на мясокомбинат. Но когда удивление, по пятам преследуемое страхом, уходило, а Тень все равно оставалась неподвижной, Человек был вынужден усомниться в своих убеждениях. Тень же тем временем наступала. С каждым разом она излагала всё больше, а её истории становились всё причудливее. Теперь она не просто рассказывала о размеренной речушке, но вдавалась в описание её илистого дна, в котором незаметно зарылись пресноводные устрицы и пескари; которое стало последним пристанищем для детской туфельки, небрежно оброненной во время прыжков на другой берег; в котором затесался выцветший фантик невероятно вкусной конфеты, давно снятой с производства; в котором скрывался пузырёк с неизвестным содержимым и чудом уцелевшей этикеткой, которая, впрочем, не приносила особого толку, так как была написана на никому не известном языке...

Но в один из дней Тень не пришла. Сначала Человек искупался в неожиданном приливе облечения и с новым воодушевлением уставился на серую стену. Но умиротворённость быстро сменилась пощипыванием чего-то недостающего... Человек ждал Тень?

В его голове сами собой начали возникать потенциальные причины отмены привычного визита. Каждый раз, когда Человек ловил себя на этой мысли, его охватывало пламя злости. Скучать по тому, чего, вероятно, вообще не существует.

Ну не абсурд ли? Но Человек ничего не мог с собой поделаться.

Если бы в комнате шло время, оно бы уже ушло довольно далеко, но Тени всё не было. Человек невольно начал развлекать себя тем, что вспоминал предыдущие рассказы своей не такой уже мнимой гостью. Он с изумлением заметил, что пропустил мимо ушей многое занятное. Что не связывал очевидное. Что отрекался от верного. Впервые в жизни неизвестное не страшило Человека, а (как это?) интриговало?

Ему вдруг стало любопытно, едят ли пресноводных устриц и кто вообще такие, эти пескари?; ругали ли девчущку за потерянную туфельку?; действительно ли те конфеты были настолько вкусными? (и где их можно попробовать теперь?). Человеку захотелось расшифровать неведомый язык и наконец поведать всем зевакам, что таинственный пузырьёк хранит в себе не эликсир бессмертия, а обыкновенную микстуру от ангины. Тень ушла, но оставила Человеку намного больше. Тень породила в нём Интерес.

Человек впервые поднялся на ноги и упёрся руками в стену. Она оказалась картонной. Недолго сопротивляясь невиданному ранее упорству, она покорно и бесшумно опустилась. За ней последовали три других. Человек был ослеплён своим бесстрашием. А ещё – чем-то большим и тёплым. Человек впервые видел Солнце. Человек впервые видел себя.

А где-то поодаль этой немой, но неимоверно сильной сцены повис вопрос: это человек отбрасывает тень или тень отбрасывает человека?

– Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.